

УГОЛ ЗРЕНИЯ

УДК 341.1/8 + 341.123.045 + 323.1(497.115)

М. О. Гузикова

«ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ» КАК ТЕРМИН МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ

Рассмотрен политический концепт «государственность» в сравнении с термином «государственность», принятым в международном праве. Показано, что принятые в международном праве критерии государственности крайне недостаточны и потому могут быть предметом разночтений в политическом дискурсе. Анализ возможных зазоров между термином «государственность» и семантическими зонами одноименного политического концепта произведен на примере текста заявления Косово в Международный суд ООН для рассмотрения вопроса о соответствии провозглашения независимости Косово международному праву. Для анализа политического концепта использована методология М. Фридена.

К л ю ч е в ы е с л о в а: государство; государственность; Косово; политический концепт; М. Фриден; международное право.

Государственность — ключевая характеристика государства. Государство является одним из самых сложных образований, созданных людьми. Определение того, что представляет собой государство, затруднено, во-первых, из-за сложности этого образования, а во-вторых, из-за того, что в реальности существуют государства, очень непохожие друг на друга. Несмотря на формальный критерий равенства государств [2], среди них есть государства, не способные эффективно контролировать свою территорию (для этих образований принято обозначение «квазигосударство» [10]) или потерявшие такую способность окончательно (так называемые «failed states»). И наоборот, есть политии, не имеющие формально государственного статуса, но способные эффективно осуществлять все функции государства. Государства отличаются по мощи, способу управления и по многим другим параметрам. Можно говорить о том, что «в современной мировой политике

ГУЗИКОВА Мария Олеговна — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: m.o.guzikova@urfu.ru).

© Гузикова М. О., 2015

существуют различные типы суверенных политических акторов, исполняющих роль государств в мировой политической системе» [2]. Очевидно, что при таком разнообразии явлений, которые в современном мире принято обозначать общим названием «государство», необходимо каким-то образом выделить признаки государства — критерии государственности.

Критерии государственности, как и термин «государство», неоднозначны и поэтому являются предметом политического торга. Часто особенно острый спор о критериях государственности возникает в случае появления нового государства. Создание нового государства возможно либо как объединение нескольких государств, что наблюдалось в ходе возникновения великих европейских держав до XX в., либо, и это наиболее распространенный вариант, как результат сецессии. Одним из таких недавних случаев является одностороннее провозглашение независимости Республикой Косово в 2008 г.

Споры вокруг создания нового государственного образования сопровождаются появлением корпуса текстов, на базе которого можно проследить различия в политической концептуализации этого термина международного права. Провозглашение независимости Косово стало поводом для Сербии, на территории которой находится Косово, претендующее на государственность, поставить перед Ассамблеей ООН вопрос о соответствии такого шага международному праву. Ассамблея, в свою очередь, обратилась в Международный суд ООН с просьбой вынести суждение (*advisory opinion*) по этому вопросу. Рассмотрение этого вопроса шло с 2008 по 2010 г. Свое мнение в Международный суд представили 35 государств и претендующая на государственный статус Республика Косово [3].

Эти тексты по вопросу о соответствии одностороннего провозглашения независимости Косово международному праву позволяют при помощи концептуального анализа сравнить критерии государственности, формально закрепленные в международном праве, и семантические зоны концепта «государственность» в заявлениях стран. Важно отметить, что разработка критериев государственности как политического термина является предметом изучения многих политологов [15]. Однако их труды не могут служить основанием для составления судом мнения о том, соответствует ли политическое новообразование критериям государственности и правомерны ли его притязание на статус государства. Предварительная работа по выявлению семантических зон концепта «государственность» на примере текста заявления Косово уже была проделана нами ранее [1]. Задача данной статьи — выявление зазоров между формальными критериями термина «государственность», принятыми в международном праве, и семантическими зонами, выявляемыми в качестве составляющих политического концепта «государственность» теми странами, которые на эту государственность претендуют. Этот подход позволит проанализировать, какие семантические зоны политического концепта являются универсальными, т. е. совпадают с критериями политического термина, а какие специфичны для концептуализации «государственности» в данном тексте.

Основой используемого нами подхода к анализу политических концептов является лингвистическая адаптация методики анализа политического концепта, предложенной оксфордским политологом Майклом Фриденем [6]. По Фридену,

политические концепты — это базовые составляющие политической идеологии. Политический концепт — мысль, выраженная посредством слова («политического понятия»). Концепт соотносит абстрактные идеи, относящиеся к пониманию политического мира, с реальностью, мыслимой в виде социальных практик [6, 51]. Анализ политического концепта невозможен без соотнесения смыслового наполнения концептов с внеязыковой ситуацией. В теории Фридена политические концепты имеют двойственную природу: концепт упорядочивает социальный мир, но при этом его значение во многом определяется местом и временем его употребления. То есть значение политического концепта подвержено изменениям, зависящим от социального и политического контекста. Более того, значение концептов обусловлено не только внешним контекстом и традицией использования их вербальных репрезентантов в политическом дискурсе, но и их положением в системе концептов, относящихся к той или иной идеологии, составляющих и репрезентирующих ее. Концепты взаимно влияют друг на друга.

Политические термины, используемые для выражения политических идей, многозначны [7, 167–198]. В рамках одной идеологии, структура которой может быть представлена в виде системы политических концептов, многозначность понятия минимизируется за счет помещения его в этот системный контекст. Развивая эту мысль, Фриден ввел термин «concept decontestation», который обозначает лишение политического понятия многозначности за счет того, что содержание одного понятия уточняется и ограничивается в процессе помещения его в систему других понятий. Такое представление о взаимодействии политических концептов соответствует представлению о когнитивной структуре идеологии как системы понятий, где всякий отдельный смысл существует в динамичной и изменчивой взаимосвязи с другими смыслами.

Семантическое поле концепта, по Фридену, состоит из неизменных и заменяемых компонентов. Без неизменного компонента концепт потерял бы свое значение, но им его значение не исчерпывается. Неизменный компонент обычно не отличается от неспециального понимания того или иного политического понятия. Согласно Фридену, все основные политические концепты должны включать определенные категории, составляющие своего рода универсальные семантические зоны концепта. К ним, в частности, относятся: единица политического анализа, позиция по вопросу о человеческой природе, видение общественной структуры, концепция моральных целей и пр. Кроме того, концепт включает категории, специфичные для данного концепта. Они могут быть обусловлены социально-культурными факторами, ситуацией, в которой концепт используется, окружением других концептов. Конstellация концептов внутри идеологии позволяет до некоторой степени, хотя и не полностью, лишить политические понятия присущей им многозначности. Это обусловлено функцией идеологии как руководства для принятия политических решений и понимания политической реальности. В момент принятия решения многозначность концепта должна быть сведена к минимуму, иначе решение невозможно.

Несмотря на то, что Фриден применяет свою методiku анализа только к идеологии (идеологиям), представляется, что эта методика может быть с успехом

применена к анализу политических концептов в текстах политического дискурса, которые, так или иначе, отражают идеологическую позицию создателей текста. Это в особенности справедливо, если основной функцией текста является обеспечение принятия политических решений или руководство к политическим действиям. Рассматриваемый нами текст заявления Косово представлен в судебную инстанцию и поэтому, по формальным критериям, стилистически принадлежит к официально-деловому стилю, юридическому подстилю, в нем присутствует большое количество терминологии, почти нет эмоционально-экспрессивной лексики. Однако с прагматической точки зрения этот текст направлен на отстаивание права народа Косово на самоопределение и, следовательно, на государственность. При этом, так как основными сторонниками Косово на пути становления собственной государственности являются страны с либерально-демократическим устройством правления, текст Косово, с точки зрения идеологии, должен опознаваться как либерально-идеологический. Таким образом, нам кажется вполне приемлемым использовать методологию Фридена, разработанную для изучения идеологических текстов, для анализа политического концепта «государственность» в тексте заявления Косово.

В результате проведенного нами анализа семантических зон концепта «государственность» в тексте заявления Косово [18] мы обнаружили следующие семантические компоненты концепта «государственность»: функционирующие институты, подчиняющиеся верховенству закона; свобода и миролюбие; демократия; выполнение принятых на себя обязательств и соблюдение нерушимости государственных границ; уважение и соблюдение прав человека; признание суверенитета другими суверенными государствами [1]. В международном праве общепризнанным источником определения термина «государственность» является Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств 1933 г. [12]. Как говорят теоретики юристы-международники, ссылка на критерии Монтевидео в вопросах о государственности стала почти рефлексом [8]. Эта конвенция закрепляет четыре признака государства как субъекта международного права: определенная территория, постоянное население, функционирующее собственное правительство и способность к вступлению в дипломатические и иные отношения с другими государствами. Важно отметить, что Конвенция Монтевидео не требует признания государства другими государствами.

При сравнении семантических зон концепта «государственность» в тексте заявления Косово с теми признаками государственности, которые выделяет Конвенция Монтевидео, становится очевидно, что, по крайней мере, три признака из четырех присутствуют в явном виде. Автор заявления утверждает, что в Косово созданы и функционируют институты государства [18, § 2.62, 4.2]. В начале текста описываются границы независимой Республики Косово, подчеркивается, что вопросы о границах урегулированы с всеми соседями, кроме Сербии, выступающей против государственности Косово [Там же, § 2.27]. Косово указывает на то, что все граничащие с ним государства и многие другие, непограничные государства признали независимость Косово и установили с ним дипломатические отношения, включая обмен послами, подписание договоров и пр. [Там же, § 2.30]. Такой

признак государственности, как постоянное население, является проблемой для Косово. Несмотря на то, что в тексте постоянно подчеркивается, что народ края поддерживает правительство, известно, что его северная часть, населенная этническими сербами, фактически не управляется из Приштины. Именно на эту проблему дефицита индентификации граждан с собственным государством указывали в своей работе политологи Линц и Степан [11].

Те семантические зоны концепта «государственность» в тексте заявления Косово, которые совпадают с критериями Монтевидео, могут быть, в терминологии Фридена, названы универсальными компонентами концепта. Остальные же зоны: свобода и миролюбие, демократия, уважение и соблюдение прав человека, могут быть названы специфичными. С одной стороны, появление этих компонентов может быть обусловлено явной недостаточностью критериев Монтевидео. Эти критерии включают только объективные (хотя и тоже часто спорные) характеристики государства и не включают субъективных критериев, таких как история, идентификация населения с тем или иным правительством и пр. С другой стороны, специфичные компоненты могут быть обусловлены особенностями контекста появления концепта «государственность» в тексте заявления Косово. Представляется, что появление такой семантической зоны термина «государственность», как «свобода и миролюбие», вызвано контекстом долговременного конфликта косоваров и сербов. Правительству Косово важно показать, что вновь созданное государство привержено миру. Такие же зоны, как «демократия» и «уважение и соблюдение прав человека», обусловлены тем, что главенствующей идеологией края, выбранной под влиянием западных стран, стал неолиберализм, который говорит о верховенстве или, по крайней мере, о равенстве принципов международного права, прежде всего принципов суверенитета и прав человека [14]. Уравнивание этих принципов оправдывает возможность вмешательства во внутренние дела государств, нарушающих права человека, и подкрепляет право наций, чьи права нарушаются, на самоопределение.

Территории, которые претендуют на признание их государственности, такие как, например, Сомалиленд, говорят о необходимости внедрения новых критериев государственности [4]. По их мнению, к этим критериям следует причислить уважение демократических ценностей, верховенство закона и прав человека; гарантии прав этнических меньшинств; гарантию нерушимости существующих границ; соблюдение международных договоренностей; принятие на себя обязательства улаживать конфликты мирным путем; справедливое распределение ресурсов. Как видно из семантических зон концепта «государственность» в тексте заявления Косово, эта самопровозглашенная республика разделила бы мнение Сомалиленд о необходимости внедрения новых критериев государственности. Понятно также, что реальное применение этих критериев противоречит политическим интересам многих стран, особенно тех, на территории которых есть угроза сецессии.

Из всего вышесказанного видно, что критерии термина «государственность» в международном праве остаются крайне недостаточными и не описывают в полной мере существующее разнообразие образований, обозначаемых в современном мире одним общим словом «государство». Это, в свою очередь, порождает

многозначность термина «государственность» и дает возможность политическим акторам использовать этот термин в том концептуальном значении, которое отвечает их текущим политическим интересам.

1. Гузикова М. О. Концепт «государственность» в тексте заявления Косово для Международного суда ООН 2008 г. // Дискуссия. 2015 (в печати).
2. Ильин М. В. Формула государственности [Электронный ресурс] // Полиция. 2008. № 3. URL: http://www.politeia.ru/content/pdf/Politeia_Ilyin-2008-3.pdf (дата обращения: 29.08.2015).
3. Accordance with international law of the unilateral declaration of independence in respect of Kosovo (Request for Advisory Opinion) [Electronic resource]. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=4&code=kos&case=141&k=21&p3=0> (accessed: 29.08.2015).
4. Aynete A. Unclear Criteria for Statehood and Its Implications for Peace and Stability in Africa [Electronic resource]. URL: http://mercury.ethz.ch/serviceengine/Files/ISN/142826/ichaptersection_singledocument/7f5101ea-2380-4d44-a3fd-dc74328eea28/en/ch_6.pdf (accessed: 28.08.2015).
5. Bartolini S. Restructuring Europe. Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union. Oxford, 2005. 448 p.
6. Freedon M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford, 1996. 604 p.
7. Gallie W. B. Essentially Contested Concepts // Proceedings of the Aristotelian Society. 1955. Vol. 56, iss. 6. P. 167–198.
8. Grant Th. Defining Statehood: The Montevideo Convention and its Discontents // HeinOnline-37: Columbia Journal of Transnational Law. 1998–1999. P. 403–457.
9. Ilyin M., Khavenson T., Meleshkina E. et al. Factors of Post-Socialist Stateness. Basic Research Program. Working Papers [Electronic resource]. URL: <http://www.hse.ru/data/2012/03/07/1266507104/03PS12.pdf> (accessed: 28.08.2015).
10. Jackson R. Quasi-states: Sovereignty, International Relations and the Third World. Cambridge, 1990. 225 p.
11. Linz J. J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore, 1996. 504 p.
12. Montevideo Convention on Rights and Duties of States [Electronic resource]. URL: <http://www.cfr.org/sovereignty/montevideo-convention-rights-duties-states/p15897> (accessed: 28.08.2015).
13. Nettl J. P. The State as a Conceptual Variable // World Politics. 1968. Vol. 20, № 4. P. 559–592.
14. Philpott D. Revolutions in Sovereignty: How Ideas Shaped Modern International Relations. Princeton, NJ, 2001. 339 p.
15. Spruyt H. The Sovereign State and Its Competitors: An Analysis of A System Change. Princeton, 1996. 304 p.
16. Skinner Q. The Genealogy of a Modern State [Electronic resource]. URL: <http://www.proc.britac.ac.uk/tfiles/162p325.pdf> (accessed: 28.08.2015).
17. The Formation of National States in Western Europe. Princeton, 1975. 711 p.
18. Written Contribution of the authors of the unilateral declaration of independence [Electronic resource]. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/141/15678.pdf> (accessed: 26.08.2015).

Статья поступила в редакцию 1 сентября 2015 г.